

О.Г. ХАРИТОНОВА

**СФРЮ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹**

Югославию можно охарактеризовать как соединение Востока и Запада в культурном смысле и Севера и Юга – в экономическом. В более развитых северных регионах проживало преимущественно католическое, вестернизированное население. С XIV в. Словения, а с XVI в. – и Хорватия были под властью Габсбургов. Менее развитые южные регионы (в том числе Босния), исторически находившиеся под влиянием православной церкви, с одной стороны, и ислама – с другой, населяли преимущественно православные сербы и черногорцы, а также бошняки (боснийцы, боснийские мусульмане и др. – потомки сербов, принявших в период османского владычества ислам). В XV в. территории Боснии и Герцеговины вошли в состав Османской империи, а в конце XIX в. были заняты Австро-Венгрией. В самом конце XV в. Османский протекторат приняла Черногория. Сербия была окончательно завоевана турками в 1459 г. и получила независимость только в 1878 г. по условиям Берлинского трактата. Таким образом, Балканы представляли собой периферию двух великих империй – Габсбургской и Османской – и испытывали сильное культурное воздействие православия (России).

В XIX в. балканский национализм носил преимущественно антиимперский характер, а государственное строительство новых

¹ Статья написана в рамках проекта «Transit versus Transformation: comparing paths to democratic change in the former USSR using case study based evidence from civil society, international aid and domestic politics» (PIRSES-GA-2011–295232).

национальных государств характеризовалось двумя тенденциями: балканизация (этнические расколы и националистические притязания) и интеграция южнославянских народов. Воплощенная после Первой мировой войны идея «национального плавильного котла» (Королевства Югославия) оказалась несостоятельной, и в ходе Второй мировой войны позиции различных сторон определялись националистическими и религиозными мотивами.

Таким образом, задача строительства коммунистической Югославии состояла в первую очередь в институционализации федерации, способной обеспечить единство населения, имеющего большой исторический опыт националистических, территориальных и религиозных расколов. Фактически это был поиск институционального баланса между центром (Белградом) и периферией и создание новой формы имперской политической организации на основе социалистической идеи.

Этническая гетерогенность была характерна и для республик Югославии, ни одна из которых, несмотря на этноцентричные названия, не соответствовала критериям «этнически чистой» политики. Так, в Хорватии проживало только две трети югославских хорватов, а также сербское меньшинство в Восточной Славонии, а Босния и Герцеговина была наиболее этнически и религиозно гетерогенной республикой с компактно проживающими меньшинствами (см. табл. 1).

Таблица 1

Этнический состав населения Югославии, 1953 г. (%)
[Hashi, 1992, p. 51].

	Сербы	Хорваты	Словенцы	Албанцы	Македонцы	Черногорцы	Венгры	Югославы (**)
Югославия	42	12	9	4	5	5	3	6
БиГ	44	13	*	*	*	*	*	31
Хорватия	15	80	1	*	*	*	1	*

*Менее 1%,

** Включая боснийских мусульман

В теории конфликтов [Ellingsen, 2000; Fearon, 2006] вероятность конфликтов уменьшается при слабой и сильной фрагментации населения (статистические исследования демонстрируют отношения между фрагментацией и конфликтами в виде обратного U-изгиба, т.е. высокий и низкий уровень фрагментации снижает уровень конфликтов), при доминировании (более 80% населения) одной группы, при дискриминации и при низком уровне поляризации.

Босния и Герцеговина была менее фрагментирована, чем Югославия в целом (см. табл. 2), и вследствие большого численного состава меньшинств более этнически поляризована, чем другие республики и Югославия в целом, поэтому обладала большим конфликтным потенциалом. В Хорватии же националистические сербские настроения стали проявляться только после принятия в 1990 г. новой конституции, согласно которой Хорватия стала национальным государством хорватского народа и других меньшинств.

Таблица 2

Индексы этнической фрагментации и поляризации

	СФРЮ	Хорватия	Босния и Герцеговина
Индекс этнической фрагментации (1953)	0,75	0,34	0,66
Индекс этнической поляризации (1953)	0,69	0,62	0,88
Индекс этнической фрагментации (1981)	0,80	0,42	0,70
Индекс этнической поляризации (1981)	0,59	0,66	0,81

Источник: Расчеты автора на основании данных И. Хаши [Hashi, 1992, p. 51].

Первоначально стратегия государственного строительства Тито основывалась на идее югославизма (несмотря на неудачный исторический опыт первой Югославии), стимулирующей политическую и экономическую централизацию при подавлении этноцентристских и националистических настроений. Эта политика предполагала формирование наднациональной югославской идентичности и консолидацию социалистического государства вследствие распада традиционных (этнических, культурных, религиозных) идентичностей и преодоления антисоциалистических убеждений. Согласно переписи населения 1961 г., менее 2% населения СФРЮ имели югославскую самоидентификацию (исключение составляла Босния, где до введения в перепись категории «боснийские му-

сульмане» в 1971 г. последние выбирали югославскую идентичность в противовес сербской или хорватской). В период с 1971 по 1981 г. степень югославской самоидентификации увеличивалась во всех республиках (см. табл. 3). Однако многие этнические группы воспринимали политику югославизма как политику ассимиляции и восстановления Великой Сербии, т.е. скорее как угрозу, чем гарантию этнической безопасности.

Таблица 3

Самоидентификация «югославов» (%)
[Sekulic, 1994, p. 85, 89]

	1961 г.	1971 г.	1981 г.	1985 г.	1989 г.
СФРЮ	1,7	1,3	5,4	н. д.	н. д.
Босния	8,4	1,2	7,9	н. д.	14,4
Хорватия	0,4	1,9	8,2	10,6	9,0

В 1950-е – начале 1960-х годов политические лидеры стремились сохранить баланс между единством и различиями, между централизмом и федерализмом. Стратегия Союза коммунистов Югославии (СКЮ) была направлена не на уничтожение национальных (этнических) идентичностей, но на предотвращение их политизации. Используемая югославскими коммунистами тактика «стратегического национализма» была направлена на восстановление государственности и предотвращение сербо-хорватских конфликтов и нестабильности, характерных для межвоенного периода. Этнический федерализм, обеспечивающий равенство и значительную автономию этнических групп, проживающих в республиках и краях, должен был решить национальный вопрос, воспрепятствовать политизации этничности и создать основу легитимности нового режима. Задача противостояния сербскому доминированию была решена через институционализацию своеобразного консенсусного федерализма участия: все составные части федерации участвовали в принятии решений на федеральном уровне, причем принятые решения должны были быть одобрены единогласно. Таким образом, югославский федерализм признавал шесть национальных государств (названия Сербия, Хорватия, Македония и др. подчеркивали идею государства соответствующих народов) в форме республик, обладающих национальной (республиканской)

символикой и правом на самоопределение. Коммунистическая партия поддерживала идею раскрытия потенциала этнического национализма для дальнейшего обеспечения коммунистического интернационализма, поэтому Македония получила статус республики, а боснийские мусульмане (впервые) наряду с сербами и хорватами были признаны равноправными членами этнически гетерогенной Боснии и Герцеговины.

В середине 1960-х годов начинаются процессы децентрализации, деэтизации, деполитизации и демократизации («четыре Д»), а также институционализации этнополитических принципов. Тенденции борьбы с усилением сербского доминирования в партии привели к конституционным изменениям 1967 г., уменьшившим власть СКЮ на федеральном уровне. Если на первом этапе формирования федеративной модели реальная власть была сконцентрирована в Центральном комитете СКЮ, то в дальнейшем начался постепенный процесс децентрализации и усиления власти коммунистических партий республик. Целью СКЮ было установление реального федерализма в государстве и партии, что предотвращало неинституционализированную мобилизацию этнических идентичностей. СКЮ стал функционировать как ассоциация восьми региональных партий – тем самым были заложены основы для конфедерации. Наиболее ярким примером изменения ранее существовавшего подхода простого утверждения республиканскими партиями федеральной политики стало проведение в 1968 г. республиканских съездов коммунистических партий раньше федерального. В дальнейшем решения федерального съезда стали обобщать решения и платформы республиканских съездов (хотя у Тито оставалось право вето на решения республик). Важнейшим элементом усиления власти республик стало введенное в 1971 г. право вето, которое получили все федеральные единицы (включая автономные края) на все решения Центра.

В 1967 г. Вече республик и краев¹ (упраздненное в 1953 г.) было восстановлено с новыми полномочиями, а также введен принцип национального паритета в представительстве в ведущих партийных органах, с 1971 г. – во всех федеральных органах. Та-

¹ Скупщина (парламент) СФРЮ по Конституции 1974 г. состояла из двух палат – Союзного вече (избиралось скупщинами общин) и Вече республик и краев (избиралось республиканскими и краевыми скупщинами).

ким образом, идея противостояния сербскому доминированию обеспечила представительство всех этнических групп в управлении, причем в некоторых случаях – хорваты в армии и черногорцы в федеральных органах власти – непропорционально завышенное (см. табл. 4).

Таблица 4

Представительство этнических групп в органах власти (%)
[Bertsch, 1977, p. 97]

	СФРЮ (перепись 1971)	Лидеры в федераль- ных органах (1969)	Члены СКЮ (1971)	Высший состав армии (1971)
Сербы	39,7	39,4	49,4	33
Хорваты	22,1	19,1	17,4	38
Боснийцы	8,4	5,1	4,6	4,1
Словенцы	8,2	10	6,3	8,3
Албанцы	6,4	0,8	3,4	–
Македонцы	5,8	7,8	6,2	8,3
Черногорцы	2,5	15,1	6,3	8,3
Другие	6,9	2,7	6,4	–

Конституция 1974 г. закрепила конфедеративные тенденции: был реорганизован пост коллективного президентства (президиума СФРЮ), состоявшего из девяти человек, один лидер СКЮ и восемь региональных представителей, избранных парламентами республик и краев. Республики получили право вето на решения президиума.

Несмотря на политику федерализма и поддержку многонациональности, националистические настроения открыто выражались только за пределами коммунистической партии (например, Декларация 1967 г. о статусе и названии хорватского стандартного языка, подписанная хорватской интеллигенцией). Режим Тито, проводивший децентрализацию СКЮ, продолжал одновременно контролировать все проявления этнической мобилизации, так как федерализм был призван обеспечить артикулирование этнических идентичностей, но не их политизацию. Примером притиводействия Центра мобилизации хорватской идентичности является реакция на националистическое движение в Хорватии в 1971 г., когда ушли в отставку представители высшего звена хорватского руководства.

Главной задачей коммунистической Югославии было преодоление социально-экономического неравенства регионов (см. табл. 5). Менее развитые регионы в несколько раз отставали по уровню социально-экономического развития, поэтому на повестке дня послевоенного экономического развития стояли модернизация и индустриализация.

Таблица 5

Индикаторы регионального неравенства, 1948

[Flaherty, 1988, p. 106–108; Lang, 1975, p. 332]

	Югославия	Хорватия	Босния
Процент населения	100	24	16
Процент ВВП	100	25	14
Занятость в сельском хозяйстве	67	62	72
Неграмотность (старше 10 лет)	25	16	45
Прирост населения (на 1000)	14	9	22
Младенческая смертность (на 1000)	102	112	126
Тыс. чел. на 1 врача (1952 г.)	2,6	1,9	4,3
Чел. на больничное койко-место (1952 г.)	277	202	448

С точки зрения теории модернизации этнические идентичности являются несовременными и периферийными, и процессы индустриализации, урбанизации и рационализации, развитие коммуникаций и транспорта должны привести к исчезновению традиционных различий, уменьшению этнического национализма, формированию космополитических взглядов и развитию межэтнической толерантности. С другой стороны, теория этнического соревнования предполагает, что этнические конфликты являются продуктом экономического соревнования между этнически дифференцированными сегментами классов или между этнически различными потребителями и поставщиками [Bonacich, 1972]. В этой логике индустриализация и модернизация, ведущие к социальной и экономической мобильности, наоборот, могут усилить этническую идентичность доминирующей группы и стимулировать этническую мобилизацию групп меньшинства, что приведет к конфликтам между ними. Первоначально политическая элита Югославии при проведении политики перераспределения ресурсов и поддержки слабо развитых регионов имплицитно действовала в русле

теории модернизации. Национализм, основанный на этнической и религиозной идентичности, должен был уменьшиться вследствие политики урбанизации и модернизации, проводимой СКЮ. Создание федерации равных наций (независимо от территории и населения) происходило одновременно с усилением СКЮ для проведения этой политики. Программа федерализации была важным средством получения широкой поддержки и позволяла СКЮ создавать новое модернизированное общество, в котором на смену разным этническим идентичностям должна прийти общая югославская. В результате этой политики к концу 1970-х годов СФРЮ перешла в разряд стран со средним уровнем дохода, но уровень неравенства между республиками вырос (см. табл. 6).

Таблица 6

Социально-экономические индикаторы модернизации
[Lang, 1975, p. 329; Flaherty, 1988, p. 106–108]

	СФРЮ	Хорватия	Босния и Герцеговина
1	2	3	4
Занятость населения в сельском хозяйстве (%)			
1953 г.	60,9	56,4	62,2
1961 г.	45,6	45,5	48,4
1971 г.	38,2	32,3	40
1979 г.	29,3	24,1	28,9
Экономическая активность женщин (%)			
1961 г.	34,9	39,9	26,9
1981 г.	33,1	35,6	24,3
Уровень безработицы (%)			
1959 г.	7,21	5,98	4,74
1969 г.	7,31	5,70	7,14
1979 г.	15,52	5,68	16,60
Средний уровень зарабо- тной платы (в динарах)			
1952 г.	70,17	76,01	75,3
1966 г.	666,13	725	651
1979 г.	8333,13	9627	7481

Продолжение табл. 6

1	2	3	4
Младенческая смертность (на 1000)			
1952 г.	105,10	102,3	143,9
1966 г.	64,2	42,2	71,2
1979 г.	32,2	19,2	30
Состав семьи			
1948 г.	4,37	3,94	5,15
1971 г.	3,8	3,43	4,41
ВВП (миллионы динаров)			
1952 г.	8721	2179	1114
1964 г.	55935	14705	6775
1970 г.	142909	38673	17317
ВВП на душу населения (в динарах)			
1952 г.	513	554	391
1971 г.	6969	8738	4622

В 1950-е годы проблемы отстающих регионов решались федеральным правительством: план 1954–1960 гг. отдавал предпочтение инвестициям в наименее развитые регионы и финансированию южных регионов за счет северных. К началу 1960-х реакция наиболее развитых регионов и неэффективность политики планирования привели к проведению в 1961 г. ряда реформ, направленных на децентрализацию, развитие самоуправления и увеличение эффективности. Среди прочего: изменение налогового законодательства (прогрессивный налог уступил место единой ставке налогообложения, что привело к уменьшению налоговых отчислений предприятий в федеральный бюджет с 60 до 15% от прибыли), девальвация динара, упразднение системы множества курсов и снятие контроля ценообразования на потребительские товары. В результате в первой половине 1962 г. розничные цены выросли на четверть, цены на сельскохозяйственную продукцию – на 18%, что отразилось в первую очередь на наименее развитых регионах, зависящих от сельского хозяйства (Босния) [Lang, 1975; Flaherty, 1988].

В 1953 г. новая конституция привела к формированию федерализма производственных коммун. По мнению Е. Гуськовой, «в 50-е годы решение задач перевода экономики на самоуправленческие рельсы виделось в создании механизма непосредственной

демократии, который предоставлял бы самые широкие возможности для осуществления демократического самоуправления трудящихся посредством соответствующих организаций на производстве и в других областях общественной жизни: рабочих советов, кооперативов, коммун, хозяйственных ассоциаций, общественных органов управления в области просвещения, науки, культуры, здравоохранения» [Гуськова, 2003]. С одной стороны, это означало уменьшение роли федеративных органов (Вече республик было упразднено и создано Вече производителей) и увеличение производственного (классового, но не этнического) самоуправления, с другой – фрагментацию общества и облегчение контроля над ним со стороны СКЮ (после 1954 г. коммунистические партии республик контролировали все высшие назначения в коммунах). Предполагалось, что рабочее самоуправление повысит темпы экономического развития, создаст новую идентичность на основе солидарности рабочего класса, тем самым предотвратив регионально-этнические конфликты. На деле рабочее самоуправление привело к артикулированию местных, а не классовых интересов, а ослабление федерального контроля над экономикой – к фрагментации СКЮ и формированию партикулярной и националистической повестки дня. По мнению Е.Ю. Мелешкиной, «на перифериях оказывается в большей степени развит этнический национализм как средство унификации и формирования солидарности, часто воспроизводится имперская модель национальных отношений в виде доминирования одной этнической группы над другой» [Мелешкина, 2012, с. 86]. Начиная с середины 1960-х годов коммунистические партии республик стали представлять и защищать в первую очередь интересы титульных народов (хорватов в Хорватии, сербов в Сербии, боснийских мусульман в Боснии).

В 1966 г. был создан специальный фонд помощи недостаточно развитым регионам (в первую очередь, Боснии, Черногории, Македонии и Косову) – кредитная организация, получающая обязательные отчисления всех субъектов федерации пропорционально их ВВП и финансирующая наименее развитые регионы (см. табл. 7). За период с 1981 по 1990 г. через фонд было перечислено 4 млрд. долл. США [Dubravčić, 1993, p. 265]. Если Хорватия и Словения последовательно выступали против политики перераспределения, то южные регионы ее полностью поддерживали. Та-

ким образом, политика, изначально направленная на преодоление неравенства между регионами и смягчение региональных и национальных отличий, в итоге постепенно привела к экономическому национализму, который усилился из-за экономического кризиса 1980-х годов.

Таблица 7

Средства Фонда (%)
[Dubravčić, 1993: p. 265]

	Босния		Хорватия	
	отчисления в фонд	использование средств фонда	отчисления в фонд	использование средств фонда
1981–1985 гг.	13,3	28,3	25,5	–
1986–1990 гг.	16,3	26,3	23,3	–

Преференциальная политика по отношению к наименее развитым регионам в области инвестиций, несмотря на увеличение фиксированного капитала, не изменила распределения ВВП между федеральными субъектами вследствие низкой эффективности инвестиций. ВВП на душу населения в южных регионах продолжал падать по сравнению со средним по Югославии уровнем (см. табл. 8).

Таблица 8

Усиление экономического неравенства регионов
[Flaherty, 1988, p. 106–108; Hashi, 1992, p. 51]

	СФРЮ	Хорватия	Босния и Герцеговина
1	2	3	4
ВВП (цены 1972 г.)			
1947 г.	100	25	13,8
1965 г.	100	26,5	12,9
1988 г.	100	24	12,7
ВВП на душу (цены 1972 г.)			
1947 г.	100	104,3	85,7
1965 г.	100	120,3	71,7
1988 г.	100	128,4	67,5

Продолжение табл. 8

1	2	3	4
Инвестиции (цены 1972 г.)			
1958–1970 гг.	100	24,5	13
1971–1980 гг.	100	24,4	15,5
1981–1988 гг.	100	24,2	14,9
Уровень инвестиций (И/ВВП)			
1958–1970 гг.	31,4	28,8	32,3
1971–1980 гг.	32,3	30	41,1
1981–1988 гг.	22,4	21,4	26,4
Эффективность инвестиций			
1952–1965 гг.	100	111	80
1966–1975 гг.	100	108	77
1976–1983 гг.	100	89	103
Производительность труда			
1952 г.	100	98	95
1965 г.	100	102	93
1976 г.	100	108	84
1988 г.	100	105	85
Инвестиции в ВВП			
1952 г.	100	90	159
1966 г.	100	86	106
1974 г.	100	83	142
Фиксированный капитал			
1952 г.	100	27,3	13,2
1965 г.	100	26,8	14,8
1988 г.	100	25,9	15,3

Итак, основными факторами распада югославской государственности и появления независимых государств являются экономическое неравенство между республиками, экономический национализм, ослабление центральной власти и фрагментация СКЮ, прекратившего свое существование в качестве символа национального единства в 1990 г. Это была своего рода социалистическая империя, которая сознательно ослабляла свой центр (сербский Белград). В результате политической и экономической институционализации этничности центробежные процессы возобладали, и она распалась. С одной стороны, экономическое неравенство приводит к сепаратистским настроениям в наиболее развитых регионах, которые стремятся отделиться от наименее развитых. С другой – сепаратистские настроения усиливаются при

ослаблении центральной власти и часто становятся превентивными мерами для решения дилеммы безопасности в условиях, когда третья сторона (государство) не может гарантировать стабильность и недискриминацию меньшинств большинством. Эти же факторы стали в дальнейшем стимулами для сепаратизма внутри новых государств.

По мнению И.В. Кудряшовой и Е.Ю. Мелешкиной, «нерешенность проблемы формирования общей гражданской нации в СФРЮ, несовпадение границ, слабый опыт самостоятельной государственности у большинства социалистических республик привели к тому, что в результате распада социалистической империи среди жителей новых территориальных политий выявились существенные разногласия по “устанавливающим” вопросам, обострились межэтнические и межрегиональные противоречия, получила распространение политика гомогенизации мультикультурного и мультиэтнического сообщества» [Кудряшова, Мелешкина, 2012].

Главной задачей для посткоммунистической Югославии было предотвращение, с одной стороны, этнического доминирования в политической и экономической сферах (разрешение так называемой дилеммы безопасности меньшинств [см.: Fearon, 1994; Posen, 1993]), а с другой – политизации этничности. В исследовании А. Мотыля крах империй приводит к дестабилизации в регионе и революционным настроениям на постимперском политическом пространстве [Motyl, 1999]. В случае Югославии дезинтеграция коммунистической идеологии привела к возрождению национализма, однако трансформация в Югославии представляла собой «националистическую трансформацию консервативного типа с элементами ортодоксального коммунизма и “приправленную” традиционным имперским экспансионизмом» [Sekulic, 1992, p. 131]. В результате возникли разные типы национализма, а национализм, имеющий территориальную базу, обязательно, по утверждению Линца и Степана, становится сепессионистским национализмом и в конечном итоге требует независимости [Linz, Stepan, 2010]. Согласно Степану, существует слабая вероятность становления демократии в многонациональном обществе, характеризующемся «высокоинтенсивной политической активизацией множественных территориально сконцентрированных, социокультурных национальных идентичностей» [Stepan, 2008, p. 3], поэтому двумя аль-

тернативами разрешения националистического конфликта являются сецессия и откат к авторитаризму. История постъюгославского пространства подтверждает, что при наличии разновеликих сегментов (сегмент – термин А. Лейпхарта), имеющих определенную территорию и националистические устремления, сохранить стабильную многонациональную государственность можно лишь в рамках империй или авторитарных образований имперского типа.

Литература

- Bertsch G.K.* Ethnicity and politics in socialist Yugoslavia // *Annals of the American academy of political and social science*. – Philadelphia, 1977. – Vol. 433. – P. 88–99.
- Bonacich E.* A theory of ethnic antagonism: the split labor market // *American sociological review*. – Nashville, 1972. – Vol. 37, N 5. – P. 547–559.
- Dubravčić D.* Economic causes and political context of the dissolution of a multinational federal state: the case of Yugoslavia // *Communist economies and economic transformation*. – L., 1993. – Vol. 5, N 3. – P. 259–272.
- Ellingsen T.* Colorful community or ethnic witches' brew? Multiethnicity and domestic conflict during and after the Cold War // *The journal of conflict resolution*. – Maryland, 2000. – Vol. 44, N 2. – P. 228–249.
- Fearon J.D.* Ethnic mobilization and ethnic violence // *Oxford handbook of political economy*. – N.Y.: Oxford univ. press, 2006. – P. 853–869.
- Fearon J.D.* Ethnic war as a commitment problem: Paper presented at the 1994 Annual meetings of the American political science association. – N.Y., August 30 – September 2. – Mode of access: <http://www.stanford.edu/~jfearon/papers/ethcprob.pdf> (Дата посещения: 20.05.2013.)
- Flaherty D.* Plan, market and unequal regional development in Yugoslavia // *Soviet studies*. – Glasgow, 1988. – Vol. 40, N 1. – P. 100–124.
- Hashi I.* The disintegration of Yugoslavia: regional disparities and the nationalities question // *Capital & Class*. – N.Y., 1992. – Vol. 16, N 3. – P. 41–88.
- Lang N.R.* The dialectics of decentralization: economic reform and regional inequality in Yugoslavia // *World Politics*. – Cambridge, 1975. – Vol. 27, N 3. – P. 309–335.
- Linz J., Stepan A., Yogendra Y.* The rise of state-nations // *Journal of democracy*. – Baltimore, 2010. – Vol. 21, N 3. – P. 50–68.
- Motyl A.J.* Why empires reemerge: imperial collapse and imperial revival in comparative perspective // *Comparative politics*. – N.Y., 1999. – Vol. 31, N 2. – P. 127–145.
- Posen B.* The security dilemma and ethnic conflict // *Survival*. – Oxford, 1993. – Vol. 35, N 1. – P. 27–47.
- Sekulic D.* Nationalism versus democracy: legacies of marxism // *International journal of politics, culture and society*. – N.Y., 1992. – Vol. 6, N 1. – P. 113–132.

- Sekulic D., Massey G., Hodson R.* Who were the Yugoslavs? Failed sources of a common identity in the former Yugoslavia // *American sociological review*. – Nashville, 1994. – Vol. 59, N 1. – P. 83–97.
- Sekulic D., Massey G., Hodson R.* Ethnic enclaves and intolerance: the case of Yugoslavia // *Social forces*. – Chapel Hill, 1999. – Vol. 78, N 2. – P. 669–693.
- Stepan A.* Comparative theory and political practice: do we need a «state-nation» model as well as a «nation-state» model? // *Government and opposition*. – Cambridge, 2008. – Vol. 43, N 1. – P. 1–25.
- Гуськова Е.Ю.* Парламентаризм в Югославии // *Демократизация и парламентаризм в Восточной Европе* / РАН. ИНИОН. – М., 2003. – С. 225–229.
- Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю.* Становление территориальных политий в условиях частичного признания // *Политическая экспертиза – ПОЛИТЭКС*. – СПб., 2012. – Т. 8, № 1. – С. 96–120.
- Мелешкина Е.Ю.* Формирование новых государств в Восточной Европе / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – 252 с.